

ДИСКУССИЯ

И.В. ЖЕЖКО

ДИВНЫЙ, НО ДАЛЕКО НЕ НОВЫЙ МИР ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ

В статье содержится полемика с книгой Леонида Ионина «Дивный, новый мир политкорректности» (2012). Проанализировано определение политкорректности, данное в книге. Описывается механизм политкорректности на примере жирондистских клубов и их роли во Французской революции. Приводятся примеры современной критики и оппозиции политкорректности в обществе массовой демократии. Предложено новое понимание феномена политкорректности в контексте протестных социальных движений.

Ключевые слова: политкорректность, Леонид Ионин, Огюстен Кошен, постмодерн, консенсус, теория поликорректности.

От описания политкорректности к ее анализу

Книга Леонида Ионина «Политкорректность: дивный новый мир» [1] выгодно отличается от других статей и книг на эту тему, издаваемых в России и на Западе, в том числе в Америке. Большинство из них носит описательный и публицистический характер. «Политкорректность» Ионина написана в теоретическом ключе и в этом ее отличительное достоинство, хотя и в ней довольно много сочных журналистских примеров.

Судя по тому, что автор ссылается в основном на западные источники, его книга является первой академической работой на эту тему на русском языке и в этом качестве крайне интересна. Хотя большинство примеров взято из западного опыта, ясно, что политкорректность уже расцвела в сегодняшней России при финансовой поддержке многочисленных грантов. Российский политкорректный дискурс включает многие темы, характерные для аналогичного дискурса

Жежко Ирина Витальевна — кандидат экономических наук, независимый исследователь. **Адрес:** PO Box 441658, Somerville, MA 02144, USA. **Телефон:** 1-617-625-3635.
Электронная почта: irinabraun@verizon.net

Америки и Европы: отношение к иммигрантам, равноправие полов, этническая и расовая политика и т. д. Политкорректное поведение не так уж ново в России, оно было весьма характерно для позднего, брежневского, периода социализма, эпохи комфортного застоя, в академической среде, когда ни от кого из нас не требовалось верить в коммунистическую идеологию, достаточно было не бросать ей публичный вызов в печати, диссертациях и устных выступлениях.

Автор заслуживает отдельной похвалы за интеллектуальную смелость, так как эта тема считается взрывоопасной в академическом мире в России и за рубежом. Президент самого престижного в мире университета, Harvard University, Ларри Саммерс был вынужден покинуть свой пост за отдельное неполиткорректное высказывание в 2006 году¹. Это один из наиболее известных, но далеко не единственный случай расправы за высказывание в недавней истории Америки.

Ионин предлагает свою версию определения политкорректности, генеалогии и механизма ее работы. Основные теоретические построения, вместе с определением феномена, уже были сформулированы автором в его предыдущей работе «Апдейт консерватизма» [2] и перекочевали в новую книгу практически без изменений. В этих двух книгах Ионин осуществил попытку перейти от эмпирического и исторического описания к *конструированию понятия*, от вопиющих примеров политической корректности — к *анализу и объяснению* природы этого феномена.

Неуловимый феномен политкорректности

Книга по стилю и объему, а также ввиду отсутствия справочного аппарата, напоминает скорее публичную лекцию, чем монографию, но и в этом качестве содержит ряд важных положений, заслуживающих обсуждения.

Композиция книги построена следующим образом: определение, иллюстрации и пояснения к сути определяемого явления, заключение, повторяющее исходное определение. Автор, разумеется, понимает сложную природу изучаемого явления, однако оставляет свой анализ практики и противоречивых теорий за пределами книги и знакомит нас лишь с найденным им ответом. Подобный вид академической работы, естественно, должен насторожить вдумчивых читателей, однако все же интересно, к каким выводам приходит автор.

Литература на тему политкорректности уже весьма обширна, и в ней существует много разных определений этого феномена. Часть из них Ионин цитирует в предыдущей книге [2, с. 37]. Как автор замечает

¹ Why Larry Summers lost the presidency of Harvard [online]. Date of access 01.03.2013. URL: <<http://mathbabe.org/2012/03/11/why-larry-summers-lost-the-presidency-of-harvard/>>.

в предисловии, «*США в области политкорректности... идут впереди всего мира*» [1, с. 8], поэтому далее в своих замечаниях я буду опираться в основном на американский опыт и публикации. Многочисленные несовпадающие определения политкорректности напоминают классическую притчу о слепцах и слоне: определения характеризуют разные элементы этого сложного явления, не создавая, однако, целостной картины. Кроме того, как справедливо замечает автор: «*Изучение и критика политкорректности затруднены тем, что она существует в виде набора никогда и нигде полностью и однозначно не выраженных и не опубликованных нормативных требований или же достаточно расплывчатых пожеланий относительно публичного и частного поведения...*» [1, с. 42]. Дополнительная сложность изучения этого феномена, добавлю от себя, состоит в том, что нормативные требования — это только его наиболее видимая часть, надводная вершина айсберга, все остальное скрыто от глаз публики и требует специальных исследований. Более того, как только какое-либо из направлений политкорректности институционализируется и легитимизируется (получает нормативное описание), оно тем самым превращается в закон или в один из нормативных институтов (цензурный комитет, экспертизу, лицензионный комитет, «министерство правды» и т. д.) и перестает быть самим собой, а именно **одним из сегментов («формой существования» [1, с. 47]) общественного мнения.**

Политкорректность определена автором следующим образом: «*...это идеология современной массовой демократии, служащая, с одной стороны, обоснованию внутренней и внешней политики западных государств и союзов, а с другой — подавлению инакомыслия и обеспечению идейного и ценностного консенсуса*» [1, с. 8, 104].

В этом определении всё или почти всё вызывает возражение, а главное, что по мере раскрытия содержания понятия автор входит в конфликт со своим собственным определением. Хочу отметить, что цель этой заметки — не ответить на вопрос, какое из известных определений правильнее, а показать, что **попытка Ионина описать и объяснить феномен политкорректности, заслуживающая наше искреннее уважение, оказалась в конечном счете не вполне адекватна сложности описываемого им явления, хотя и безусловно указывает на некоторые важные его проявления и компоненты.**

Идеология политкорректности

Начнем, как и полагается, с начала определения: «*политкорректность — это идеология...*». Это утверждение только на первый взгляд кажется очевидным, почти тавтологическим, так как далее Ионин показывает, что политкорректность — не просто идеология, а «идеология со встроенным механизмом». Это все равно, что назвать автомобиль «горючим, в который встроен мотор». Причём у автора

внутри политкорректности оказываются «вмонтированными» не один, а сразу несколько механизмов (см. главу «Как работает политкорректность» [1, с. 64-80]). **Один** из них отвечает за выработку системы ценностей и определенного политкорректного языка, а с ним — и картины мира (иначе говоря, «сконструированной реальности», «повестки дня»). **Другой** механизм обеспечивает распространение и навязывание ее обществу (через школы, университеты, церкви, медиа и т. д.), то есть собственно формирование общественного мнения или консенсуса по тому или иному вопросу. **Третий** механизм отвечает за подавление критики политкорректных идеологов: «...в идеологию политкорректности оказался вмонтированным своеобразный теоретический механизм, благодаря которому не только заранее отвергается любая критика, но и сам критик оказывается обвиненным в самых тяжких грехах...» [1, с. 34]. Оставим на совести автора прилагательное «теоретический» в этой фразе. Механизм подавления не то что критики, а даже случайного нарушения языковых и смысловых конвенций политкорректности, как мы знаем, — самый что ни на есть практический: от гильотины в XVIII до потери работы по профессии в XXI веке.

Идеология сама по себе не может быть корректной или некорректной, она становится таковой только в отнесении к определенной системе ценностей и только внутри уже выстроенного механизма контроля над общественным мнением как одного из инструментов власти. Вторичность идеологии политкорректности по отношению к механизму контроля общественного сознания доказывается тем фактом, что сам механизм остается практически неизменным уже почти 300 лет, в то время как он «заправляется» разными идеологиями (как разными видами топлива, продолжая аналогию с автомобилем) в разные периоды его существования, причем идеологиями не только либерального направления. Ядро и формулировка одной и той же политкорректной ценности могут также меняться со временем². Так, еще вчера идеология глобального потепления была у политиков и активистов на устах, сегодня она поменялась на «изменение климата». В соответствии с Оруэлловским механизмом манипуляции общественным сознанием последняя редакция политической идеологии является единственно правильной в каждый данный момент и отменяет все предшествующие формулировки.

Когда возник феномен политкорректности?

Политкорректность — «... это идеология **современной массовой демократии...**». В этой части определения содержатся два тезиса:

² В этом отношении крайне интересна глава «Семантические и лексические изменения» в книге: *Hughes G.* «Political correctness: A history of semantics and culture», 2010 [4, p. 26, etc.].

а) политкорректность есть плоть от плоти массовой демократии как социальной системы; б) она возникла вместе с ней. Доказывая первый тезис, Ионин демонстрирует, что политкорректность есть результат тотального применения принципа равенства в его наиболее абстрактном понимании в разных сферах общественной жизни современной массовой демократии (глава «Рождение политкорректности из духа равенства» [1, с. 21-29]). Между тем, высказывание Токвиля [1, с. 65-66], которым Ионин иллюстрирует этот тезис, относится к первой трети XIX века, когда американская демократия, а вместе с ней и соответствующая ей модель политкорректности, еще находились в стадии становления³. Более того, существуют работы, утверждающие, что основные механизмы политкорректного поведения возникли еще до того, как массовая демократия оформилась как социальная система. Некоторые исследователи [4, р. 232, etc.] датируют рождение политкорректности эпохой Реформации в Англии (XVI век), и показывают, что этот механизм дошел почти неизменным до наших дней. Французские историки впервые описали механизм политкорректности в главных чертах, изучая опыт философских обществ, сложившихся в эпоху, предшествующую Французской революции; сама революция, по их мнению, явилась первой манифестацией и социальным экспериментом по последовательному проведению политкорректности в жизнь. Я позволю себе краткий исторический экскурс, чтобы показать, насколько сегодняшняя ситуация с политкорректностью напоминает то, что происходило в годы, предшествующие Французской революции.

Общества жирондистов как пример формирования механизма политкорректности

Зарождение политической корректности во Франции и первый эксперимент ее практического воплощения в жизнь описан французским историком Огюстеном Кошеном [3] (автор не пользовался этим термином, сам термин возник только в XX веке). Можно спорить с Кошеном по поводу причин Французской революции, но трудно опровергнуть результаты сделанного им детального анализа роли, которую сыграли провинциальные клубы и философские общества в ее подготовке. Это, по-видимому, самое первое исследование, показывающее на примере обществ жирондистов, как складывался и работал механизм политкорректности и как он обеспечил приход носителей этой идеологии к власти. В этом смысле французы действительно указали дорогу человечеству к будущему, такому, в котором власть контролируется не только и не столько демократически избранными

³ Достаточно сказать, что в момент визита Токвиля в Америку в 1831 году избирательным правом обладали только белые мужчины.

лидерами, сколько институтом общественного мнения и, в частности, теми, как сказали бы сейчас, политтехнологами, кто научился им манипулировать.

Вожди Французской революции, не будучи сами философами и даже преуспевающими в какой-либо профессии, стали во главе движения, а затем и общества, вооружившись идеологемами Просвещения. Кошен задает вопрос, как могла нация, признанный интеллектуальный и моральный лидер западной цивилизации, превратиться в толпу, которая меньше чем за два года довела страну до голода, сотворив демографическую яму, от которой потом восстанавливалась в течение следующего поколения? [3, р. 68-70] Историк доказал, что событие такого масштаба не могло быть результатом одномоментного заговора, а готовилось в течение нескольких лет.

Новая социальная система была выведена в «пробирках» французских философских обществ, где сложился определенный способ (механика) достижения полного единодушия (консенсуса). Затем эта модель была опробована на целой нации. Люди собирались в этих обществах для свободного обмена идей в полном соответствии с принципами демократии а la Жан-Жак Руссо. Со временем внутри обществ стали совершаться абсолютно одинаковые превращения. Большинство членов стало терять интерес к собраниям, где по многу часов и с равным вниманием дискутировались продуманные мысли и вздорные идеи. Люди, у которых были дела, таланты и влечения к другим занятиям, постепенно покидали общества. Те, кто оставались, не были довольны своими профессиями и общественным статусом, зато имели политические амбиции. Вот так получилось, что без всякого насилия, автоматически произошел отбор, чистка обществ от наиболее компетентных и приспособленных к реальной жизни людей. Заслуга Кошена состоит в том, что он первый детально описал социальную динамику отдельного общества (в современной теории — малой группы), социологический механизм, построенный на последовательном проведении абстрактного принципа свободы мнений. Этот механизм обеспечивал чистку от людей, чьи мнения были отличны от остальных, и тем самым создавал полное единодушие внутри каждого отдельного общества. Можно возразить Кошену, что бывшие члены обществ могли бы не поддерживать решения, принятые в них, в частности, те, которые потом определили трагическую судьбу Франции. Теоретически они имели такой шанс, однако теперь каждый из них был в одиночестве, теперь особое и частное мнение противостояло мнению большинства, и как частное мнение его надо было отстаивать в бесконечных дискуссиях в тех же обществах. От каждого «дезертира», или диссидента, требовалось особое мужество восстать против «общественного консенсуса». Таким образом, Кошен задолго до Э. Нозль-Нойман обнаружил «спираль молчания». Он также открыл и

описал второй закон динамики таких обществ (групп), *fait accompli*⁴ [3, p. 83]: если что-то однажды сделано определенным образом, чрезвычайно трудно это изменить, отказаться от этого якобы общепринятого решения без публичного его обсуждения. Законы, описанные Кошеном, широко известны в современной теории динамики групп.

Накануне Французской революции существовало несколько центров, «кующих» идеологию, только Якобинское общество насчитывало порядка 1900 «дочек» в 1794 [3, p. 80]. Можно представить, каким прессом для мнения образованных людей они являлись. Философские общества «переваривали» общественное сознание высшего и среднего классов, формируя то, что сейчас называют либеральным консенсусом. Во время правления якобинцев многочисленные местные общества Франции сорганизовались по принципу матрешки: на национальном уровне философское общество было просто повторением местного общества, только в увеличенном виде. Сеть таких обществ координировала свои решения и действия в масштабах страны. Только теперь свобода дискуссий на национальном уровне была дополнена ещё одной свободой — свободой действия, которая во вновь созданной демократии сводилась к равному избирательному праву и праву избавляться от несогласных. Машина освобождения от деятельных и независимо мыслящих людей на национальном уровне завертелась гораздо быстрее, чем на местном, так что процесс чистки инакомыслящих (создания консенсуса), ускоренный массовым террором, завершился в очень короткие сроки. Кошен показал на этом примере, что **явление политкорректности не есть результат массовой демократии как таковой, а есть результат индоктринации общества абстрактными принципами равенства** (тут Ионин находится в согласии с Кошеном) **вкуче с захватом власти в полном соответствии с демократическими процедурами.**

Кошен также обнаружил, что групповой гипноз «единственно правильной» системы ценностей и построенного на ней социального эксперимента не может длиться бесконечно, а только до той поры, пока сохранившие здравомыслие люди не осознают его пагубность для общества (при условии, что их число приближается к критической массе). Мы вернемся к этой утешительной мысли, но уже на примере сегодняшнего опыта политкорректности.

Политкорректность — норма или болезнь демократии?

«Политкорректность... это идеология современной массовой демократии...». Если понимать эту фразу определения так, что политкорректность есть идеология самой демократии, то многочисленные примеры из книги Ионина, не говоря о других публикациях,

⁴ *Fait accompli* (фр.) — дело сделано. — Прим. ред.

однозначно свидетельствуют об обратном. **Идеология политкорректности открыто воюет с демократией и ее основными ценностями**, находясь при этом под ее надежной защитой. Кошен, а также многие современные исследователи, убедительно доказывают, что политкорректность разрушает основные западные ценности, прежде всего свободу слова и вероисповедания, личную неприкосновенность, свободу частной жизни и принцип личной ответственности. Здесь уместно привести цитату французского историка Ипполита Тена⁵ в той главе его знаменитой книги, где он пишет о Французской революции, в частности о законах 1789 года: «... *теоретическая свобода* [в этих законах. — И.Ж.] *разрушает реальную свободу... и существующие мнения, правосудие убивает без следствия и суда. Мы видим, что случилось немыслимое: деспотизм свободы, фанатизм разума... Гуманизм, который убивает, есть родная сестра свободы, которая заточает в тюрьму; братства, которое шпионит; разума, который страдает нетерпимостью; и все они соединяются вместе и воплощают этот странный социальный феномен, называемый Якобинством*» [5, p. 177].

Идем далее: «*политкорректность — ...это идеология... служащая... обоснованию внутренней и внешней политики западных государств и союзов...*».

Это высказывание почти ничего не добавляет к содержанию понятия политкорректности и его специфике, так как практически любая идеология может служить обоснованием внешней и внутренней политики. Идеология мировой революции в этом смысле ничем не отличается, например, от идеологии насаждения демократии во всем мире. Скорее всего, эта часть определения понадобилась автору, чтобы описать последствия экспорта демократии и «цветных революций» — столь же разрушительные, сколь и экспорт социалистической революции в XX веке.

Политкорректность в борьбе с инакомыслием

И, наконец, последний и, по мнению автора, самый специфический для описываемого явления фрагмент определения: политкорректность — «...*это идеология... служащая... подавлению инакомыслия и обеспечению идейного и ценностного консенсуса*».

Именно этой функции политкорректности, в основном, и посвящена книга Ионина [1, p. 105]. Автор указывает на угрозу всей западной цивилизации (в том числе России), которую несет с собой политкорректность как социальный механизм навязывания власти

⁵ Ипполит Тен (1828-1893) — автор монументальной работы в шести томах «Les Origines de la France Contemporaine» («The origins of contemporary France», 1962) [5].

меньшинств современным обществам. Соглашаясь с автором в оценке меры опасности современной политкорректности, нельзя не удивиться, однако, что он нигде в своей книге не указал на силы, противодействующие этой угрозе в демократическом обществе. Одно из возможных объяснений этому я предложу далее.

В этой, самой содержательной, на мой взгляд, части определения политкорректности кроется вместе с тем некоторый подвох в авторском понимании этого феномена. В имеющейся литературе существуют как минимум два разных понимания роли и места политкорректности в современном общественном мнении.

Одно направление, Ионин, несомненно, принадлежит к нему, считает, что идеология политкорректности уже обеспечила «либеральный консенсус» в западных демократиях, следовательно, активисты политкорректности борются с инакомыслием, то есть *меньшинством*, чтобы сохранять достигнутый консенсус, пусть и ценою удержания остальной части общества в состоянии «молчаливого большинства».

Другое направление понимает действия идеологов политкорректности как агрессивное инакомыслие, **как борьбу меньшинств не только за признание и гражданское равенство, но и за власть и привилегии в обществе**, которое в целом не разделяет их предельно абстрагированные или радикальные ценности, как борьбу небольшой, но активной группы, а точнее альянса групп, с **большинством**, может быть, и молчащим до поры до времени, но явно не согласным с ней.

Многочисленные опросы и результаты голосований по отдельным пунктам либеральной повестки убедительно показывают, что ее сторонники находятся в меньшинстве в американском обществе, хотя соотношение голосов за и против варьируется в зависимости от пунктов. Вот почему идеология политкорректности есть, фактически, инакомыслие, вполне допускаемое демократией, но лишь до того момента, когда оно начинает говорить и действовать якобы от лица большинства. Движение политкорректности пытается представить себя в качестве *mainstream opinion* с помощью ассимилированных им социальных институтов, подменяет общественное мнение его суррогатом — молчаливым большинством, манипулирует процессом его формирования. Сторонники второго направления считают, что США и Европа, может быть, все еще живут в эпоху триумфа публичной политкорректности, однако ее власть над общественным мнением уже прошла верхнюю точку, за которой виден крутой спуск... Очнувшись от гипноза, общества западной цивилизации начали то, что называется *reality check*, то есть подвергать сомнению все реалии и ценности современной парадигмы политкорректности. Различные группы активно занялись ревизией областей, куда она проникла: пересматриваются учебники и школьные программы, медицинские правила

и процедуры, создаются новые дискуссионные форумы и т. д. Выкорчевывание политкорректности в ее наиболее разрушительных для демократических обществ направлениях может занять много времени, — может быть, сравнимое с периодом ее воцарения, но «процесс пошел». Тут уместно вспомнить, к какому выводу пришел Кошен, анализируя ход Французской революции: «...хотя устрашенная страна терпела тиранию “маленьких людей” из философских обществ какое-то время, ее правление не могло быть долгим. “Большие люди” были слишком полны жизни, чтобы подчиниться или быть совращенными инерцией. Клубы, в конце концов, не были самой нацией. Нация... начала распрямляться после Термидора... здравый смысл постепенно одержал победу в общественном сознании. Франция задышала опять, очнувшись от ночного кошмара» [3, р. 100].

Бунт молчаливого большинства

Политкорректность как феномен подавления мнения большинством меньшинством уже описан в главных чертах во множестве работ, объяснен, а значит, стал менее опасен. «Сеанс публичного разоблачения магии» уже состоялся. Все меньше и меньше страха испытывают люди, нарушающие табу политкорректности. Вот только три недавние истории из американской жизни.

Владелец сети ресторанов Chick-fil-A публично заявил о поддержке брака между мужчиной и женщиной как основы семьи и пожертвовал крупную сумму на это движение. Активисты политкорректности осудили этот поступок, направленный, как они считают, против гомосексуалистов, и объявили бойкот заведениям этого ресторана по всей Америке. Если бы страна жила в мире победившей политкорректности, этот бизнес должен был разориться, однако тысячи людей выстроились в очередь к ресторанам Chick-fil-A, демонстрируя свою моральную поддержку⁶.

Не менее знаменателен другой пример. Когда администрация Обамы издала указ о том, что католическая церковь и ее организации должны оплачивать своим служащим-женщинам медицинские услуги, связанные с абортom, церковь восстала против этого указа, усмотрев в нем наступление на один из столпов ее религии и, следовательно, на свободу религии в целом⁷. Значительная часть общества и других конфессий открыто поддержала лидеров католической церкви.

⁶ Leon E. de Put down that Chick-fil-A! [online]. Date of access 01.03.2013. URL: <http://www.huffingtonpost.com/erwin-de-leon/put-down-that-chick-fil-a_b_1906352.html>.

⁷ O'Brien N.F. Federal lawsuits by Catholic dioceses, groups seek to stop HHS mandate [online]. Date of access 01.03.2013. URL: <<http://www.catholicnews.com/data/stories/cns/1202080.htm>>.

Президент Обама и демократическая партия в своей предвыборной платформе выступили в поддержку права геев и лесбиянок на легальный брак. Еще недавно эти заявления были бы последней точкой в затянувшемся споре. Однако более половины из 50 штатов США приняли в последние годы конституционную поправку (или специальный закон) о том, что брак — это союз между мужчиной и женщиной⁸. Взятые вместе эти и другие примеры показывают, что вряд ли сегодняшнее состояние общественного мнения в Америке по этим пунктам политкорректности можно однозначно назвать консенсусом.

Историю произошедшего сдвига в общественном сознании можно также проследить по названиям книг, изданных в последнее время. Большинство публикаций разоблачает внутреннюю противоречивость и лицемерие идеологии и практики либеральной политкорректности, демонстрирует ее губительное воздействие на основы и стабильность западной цивилизации⁹.

Даже, если принять тезис Ионина, что политкорректность есть плоть от плоти массовой демократии, ее органический порок, все равно неочевидно, что демократии не смогут преодолеть эту «болезнь» и выработать к ней противоядие. Кроме того, не все массовые демократии равны между собой. Американская демократия и в этом

⁸ List of U.S. state constitutional amendments banning same-sex unions by type // Wikipedia [online]. Date of access 01.03.2013. URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_U.S._state_constitutional_amendments_banning_same-sex_unions_by_type>. При этом в некоторых штатах одновременно легализована регистрация гражданских однополых союзов, однако без той системы поддержки, которыми государство обеспечивает институт семьи и брака.

⁹ Debating P.C.: The controversy over political correctness on college campuses / Ed. by P. Berman. New York, 1992; Political correctness: For and against / M. Friedman and J. Narveson. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 1995; Unprotected: A campus psychiatrist reveals how political correctness in her profession endangers every student by anonymous, M.D. New York: Sentinel, 2006; Chin J. The AIDS pandemic: The collision of epidemiology with political correctness. Oxford; Seattle: Radcliffe, 2007; Kimball R. The rape of the masters: How political correctness sabotages art. San Francisco: Encounter Books, 2004; Feaman P. The next nightmare: How political correctness will destroy America. Nashville, Dunham Book, 2012; McGowan W. Coloring the news: How political correctness has corrupted American journalism. San Francisco: Encounter Books, 2002; Satel S. PC, M.D.: How political correctness is corrupting medicine. New York: Basic Books, 2000; Schwartz H.S. Society, against itself: Political correctness and organizational self-destruction. London: Karnas Books Ltd, 2010; Walker R. Without firing a shot: The death of American liberty through political correctness. Roncore, 2010.

отношении «впереди всех» и учиться на опыте европейских. Книги Ионина, к сожалению, представляют только одну сторону и одну интерпретацию политкорректности, а именно левых интеллектуалов¹⁰. Левые интеллектуалы (по американской терминологии — либералы, или прогрессисты), составляющие большинство во многих университетах, своего рода нео-жирондистских обществах, может быть, и достигли между собой консенсуса по поводу заката западной демократии, однако, пребывая в собственном параллельном мире, они не заметили, что земля потихоньку уходит из-под их ног. Новость о смерти западной цивилизации может оказаться слегка преждевременной: подобно героям фантастических фильмов и романов, хранители ее ценностей восстали, чтобы вернуть себе свои земли.

Концепция политкорректности

Вопрос о генеалогии и теории политкорректности является одним из центральных в книге Ионина и, по-видимому, его основным вкладом в исследование этого феномена. Однако теорию политической корректности можно понимать в двух смыслах. В первом — как теоретическое о(бо)снование ее идеологии [1, с. 42 и далее] и во втором — как теорию социального феномена политкорректности в целом. В первом смысле теория, согласно автору, это группа источников, откуда практика политкорректности черпает смыслы, ценности и способы их обоснования. *«Действительно ли у практики политкорректности сегодня отсутствует теоретико-методологический фундамент? Нет, не отсутствует, он имеется, и в этой роли выступает постмодерн»* [1, с. 43]. В соответствующей главе Ионин развернуто обосновывает утверждение, что марксистская идеология и базирующиеся на ней теории в эпоху постмодернизма могут считаться такими источниками. С этим утверждением автора можно было бы согласиться, однако теоретико-методологический и идеологический фундамент политкорректности не может служить теоретическим объяснением социального феномена как такового. Более того, как считают многие исследователи, и я с ними согласна, феномен политкорректности **практически индифферентен к идеологии, которую он использует в своих аргументах в диалоге с обществом**, однако при этом он всегда сохраняет вектор на разрушение ценностей большинства.

Что же касается теории политкорректности в более широком смысле — как общественного движения, или социальной машины, —

¹⁰ Справедливости ради надо сказать, что Ионин хорошо осведомлен об оппозиции политкорректности. См.: *Ионин Л.* Конец мультикультурной эпохи // Русский журнал. 06.12.2010 [online]. Дата обращения 04.03.2013. URL: <<http://www.russ.ru/pushkin/Konec-mul-tikul-turnoj-epohi>>.

то началом этого направления следует считать работы историков французской школы политических наук: Тена, М. Острогорского¹¹, Токвиля и Кошена. Ионину и цитируемым им современным ученым удалось продвинуться дальше своих предшественников и набросать первый эскиз, а точнее, четыре узла этой машины, или общественно-го движения. Некоторые из них прописаны довольно подробно, другие просто упомянуты ([1, с. 47, 70-80]). В данной статье не место приводить эти узлы в систему, однако необходимо заметить, что фазы работы **механизма политкорректности практически повторяют основные этапы развития типичного общественного (протестного) движения**¹². Каждое общественное движение в активной фазе (феминизм, черное движение, антиглобализм, ЛГБТ и т. д.) формулирует и время от времени пересматривает свои ценности и идеологемы, маркирует их как корректные и некорректные на текущем этапе и тем самым вносит свой вклад в общую копилку политкорректного языка. Иначе говоря, политкорректность включает конгломерат промаркированных ценностей активных протестных движений и развивается по той же траектории, что и сами движения. В кратком изложении каждое отдельное движение проходит через следующие этапы:

- *порождение идеологем политкорректности и повесток дня (agenda):* фабрики мысли (think tanks), философские школы и кружки («правлящие» и «ценностные» элиты, их организации), профессиональные протестные организации;

- *формирование общественного мнения, или навязывание идеологем большинству,* как основной механизм политкорректности. Первенство в описании этого механизма на примере масонских лож и политических партий принадлежит Острогорскому. Он, механизм, существенно развился в эпоху демократии, когда партиям и движениям понадобилось обеспечивать поддержку большинства за пределами их внутреннего круга. В XX веке были созданы эффективные политические технологии и каналы прокачки идеологем с целью создания мнимого или реального консенсуса, в том числе через форумы, или

¹¹ Марк Острогорский (1854-1919), родом из Белоруссии, некоторое время жил во Франции и писал по-французски. Основные его работы переведены на русский. См. сб.: Демократия и политические партии. М.: РОССПЭН, 1997.

¹² Основные этапы социального движения сформулированы в нескольких работах, в частности: *Moyer B. Doing democracy: The MAP Model for organizing social movements.* Gabriola Island (BC): New Society publishers, 2001. В этой книге описывается динамика управляемого общественного протестного движения, которая в том числе включает четыре этапа, названные Иониным.

«площадки мнений»: медиа, институты анализа общественного мнения, университеты, школы и т. д.;

- *поддержание (reinforcing) политкорректных табу (норм и правил)*, включая систему наказаний, протестов, бойкотов, индивидуального террора и т. д.;

- *внедрение политкорректных идеологем в политику* (внешнюю и внутреннюю) и социальную практику: захват социетальных институтов (религии, науки, юстиции и т. д.), индустрий воспитания детей и развлечений, образовательных институтов и органов власти на всех уровнях с помощью законов, правил и регулятивов.

Вопрос об оппозиции идеологии политкорректности, противостоянии ее тотальному контролю общественного сознания, как я отметил ранее, остался за пределами книги Ионина, между тем она, оппозиция, также есть составная часть этого феномена. И уже упомянуто выше, что **книга Ионина содержит многочисленные примеры торжества политкорректности, но ни одного примера противостояния или победы оппозиции над этим явлением.** Однако литература на эту тему обширна. Как могло случиться, что автор вслед за своими европейскими коллегами не заметил ее? Это свидетельствует о том, что предложенная в книге интерпретация феномена политкорректности сама в определенной степени политкорректна, даже если автор не имел этого в виду.

Закljučая разбор книги Ионина, я порекомендую ее всем как интересное чтение, экскурс в существующие теории и подходы к изучению политкорректности и попытку построения понятия, описывающего этот феномен, имея при этом в виду, что книга отражает лишь некоторые фрагменты феномена политкорректности, сводя его в основном к идеологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ионин Л.Г.* Политкорректность: дивный новый мир. М.: Ад Маргинем, 2012.
2. *Ионин Л.Г.* Апдейт консерватизма. М.: Изд. Дом Гос. ун-та – Высшая школа экономики, 2010.
3. *Cochin A.* Organizing the Revolution. Rockford (IL): Chronicles press, 2007.
4. *Hughes G.* Political correctness: A history of semantics and culture. Chichester (UK): Wiley-Blackwell, 2010.
5. *Taine H.* The Origins of Contemporary France. Glouster, Mass: Henry Holt & CO, 1962.